

ЗНАЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ «УМНОЙ ТОЛПЫ» В ПРОЦЕССЕ ИНИЦИИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Байгушкин Алексей Иванович, кандидат юридических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: alek-baig@rambler.ru

Процесс глобализации позволил оформить новый, латентный вид политической агрессии, основанный на инициировании политической нестабильности. Одним из ключевых элементов этой политической технологии является способность, используя сетевой принцип в соответствии с доктриной роя, сформировать толпу в крупных административных центрах, которая своими действиями заставит правительство принять решения необходимые внешнему окружению.

Ключевые слова: иницируемая политическая нестабильность, иницируемый управляемый кризис, иницируемая ситуация социального хаоса, умная толпа, сетевое сообщество, рой, смартмоб «оккупай...», «городской терроризм»

ROLE OF SMART MOB TECHNOLOGY FOR THE PROCESS OF POLITICAL INSTABILITY INITIATION

Baygushkin Aleksey I., Ph.D. (Law), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: alek-baig@rambler.ru

The globalization process allowed to form a new latent type of political aggression that is based on initiating political instability (IPN). One of the key elements of this political technology is an ability to use a network principle and, in compliance with the doctrine of swarm, to form a mob in large administrative centers that will make the government take decisions necessary for the external environment.

Keywords: initiated political instability, initiated controlled crisis, initiated situation of social chaos, smart mob, network community, swarm, smart mob “occupy...”, “urban terrorism”

В современном политическом процессе всё большее распространение принимает такая форма массового поведения, как общественно-политические мероприятия. Её значительное распространение произошло в новое и новейшее время истории развития государств. В частности, в 2017 г. исполнилось столетие с момента революции в России, определившей на десятилетия дальнейшее развитие не только нашей страны, но и всего мирового сообщества. События далёкого от нас 1917 г. представляют народные массы в роли нового актора политического процесса. В то же время произошедшие за последние десятилетия на базе эволюции информационной составляющей значительные изменения коммуникативных процессов между индивидами, как в рамках одной локации, так и в рамках общемирового сообщества, позволяют говорить о том, что сформировавшиеся на протяжении длительной истории исследования механизмы работы с массами утрачивают свою эффективность. Данное обстоятельство диктует необходимость формирования современных рекомендаций по взаимодействию представителей органов государственной власти с участниками массовых общественно-политических мероприятий.

Массовые общественно-политические мероприятия в соответствие со своей сущностью предполагают присутствие значительного количества индивидов на ограниченной территории, в связи с чем возрастает риск формирования так называемого «феномена толпы» [6, с. 67], а именно – проявления высокой степени эмоциональности и иррациональности поведения участников, на основе которого проис-

ходят нарушения общественного порядка и законодательства, влекущие за собой возникновение конфликтов с представителями правоохранительных органов, не только содержащие в себе угрозу значительного резонанса в СМИ, но и способствующие снижению авторитета государственной власти у их аудитории.

При всем разнообразии сформированных в политической науке дефиниций «толпы» можно обобщить, что толпа является ограниченным по времени объединением значительного числа индивидов на локальном пространстве, при этом индивиды объединены единым локусом привлечения внимания и эмоциональным состоянием, характеризующимся сходной спонтанной реакцией на идентичные стимулы.

Классификацию феномена толп исследователи рассматривают на различных основаниях. В частности, такой классик психоанализа, как Г. Лебон, различает следующие виды толп по признаку гомогенности: разнородная; анонимная (например, уличная); персонифицированная (например, парламентское собрание); однородная: секты; касты; классы [8, с. 273]. Современные исследователи приводят несколько иные классификации толп. А.П. Назаретян определяет их по психологической характеристике возникновения: окказиональная толпа (толпа, формирование которой обусловлено каким-либо внезапным происшествием); конвенциональная толпа (формируется на основе заранее объявленного события); экспрессивная толпа (толпа, ритмично выражающая какую-либо эмоцию); экстатическая толпа как экстремальная форма экспрессивной толпы (экспрессивная толпа, дошедшая до высшей степени проявления какой-либо эмоции); действующая толпа как наиболее опасный для политического процесса вид толпы, в рамках которой, в свою очередь, выделяются следующие подвиды: агрессивная толпа – в качестве доминирующей эмоции выступает ярость, негативизм; паническая толпа – доминирующая эмоция (паника, страх, ужас); стяжательная толпа – доминирующая эмоция (стремление обладать чем-либо); повстанческая толпа – по ряду параметров схожая с толпой агрессивной, однако характеризующаяся условно социально-справедливым характером возмущения [10, с. 7].

С точки зрения большинства исследователей, поведение индивида в толпе в значительной степени приобретает нехарактерные для него свойства. Данная точка зрения во многом основана на традициях психоаналитической концепции, в соответствии с которыми в толпе происходит формирование нового свойства людей, входящих в неё, – коллективное бессознательное [22, с. 134]. Г. Лебон характеризует толпу как «листья, поднимаемые ураганом и разносимые в разные стороны, а затем падающие на землю» [8, с. 170]. Н.С. Трофимова полагает, что «человек, оказавшийся в толпе, становится анонимным, что создает ложное ощущение независимости от социальных связей и снижает чувство ответственности за совершаемые поступки. Данные феномены могут способствовать трансформации массового мероприятия в массовые беспорядки» [17, с. 42]. В.Н. Руденко пишет: «Человек в толпе исчезает, теряет волю. Люди в ней не существуют сами по себе, они – эпифеномены. Но их количество способно достигать критической массы. Когда толпа встречает непреодолимое препятствие, масса переполняет пространство, взрывается, разрушает все вокруг» [14, с. 156]. По образному выражению Ю.Н. Белокопытова, «Толпа как феномен взрывоопасна. В ней заключены всепоглощающая лавина и пожирающий лесной пожар, разрушающий торнадо и разбивающий девятый вал» [2, с. 10]. Е.В. Фадеев отмечает при этом, что «Человек, попавший в толпу, становится её членом, обретает свойства, присущие и другим её членам, независимо от социальных, расовых, национальных и других отличий... Осознание себя частью массы, восприятие полностью идентичным другим, является предварительным условием возникновения сплоченности и подверженности влиянию» [18, с. 147].

Индивиды могут сформироваться в толпу стихийно, без внешнего воздействия. Однако практика последних десятилетий показывает, что толпы часто могут создаваться искусственно из разрозненных индивидов и поддерживаться какое-то время внешними силами в интересах этих сил.

Обобщая вышесказанное, можно с достаточной степенью уверенности говорить о значительной роли феномена толп в политическом процессе современного государства.

Д.В. Ольшанский, анализируя влияние масс на политические изменения в современном мире, отмечал, что начиная с XX в. в значительной степени возросла потенциальная готовность масс к активным действиям, провоцируемая влиянием внешних акторов, в частности, СМИ, которые, формируя определённое воздействие на массу, стремятся вызвать определённую ответную массовую реакцию в виде конкретных действий и акций, в результате чего определяющими в поведении масс всё больше становятся не устоявшиеся, осознанные позиции, а быстро увлекающие, импульсивные, во многом спонтанные настроенческие факторы. Сформировав у части членов массы потребные идентичные индивидуальные выборы, можно добиться действий массы в необходимом русле [11, с. 151]. При этом можно уточнить мнение Д.В. Ольшанского в том аспекте, что в качестве субъекта провоцирующего влияния выступают не сами СМИ, а те, кем они непосредственно контролируются.

Современный мировой политический процесс характеризуется множеством активных участников в лице государств и их специальных служб, массовых движений, транснациональных корпораций, за пределами обозначенных национально-государственных границ. В данной ситуации знание механизмов проведения массовых общественно-политических мероприятий антиправительственной направленности, создания и использования толп выступает в качестве одного из основных инструментов реализации политических интересов, направленных на дестабилизацию того или иного государственного режима. Говоря о такой дестабилизации, мы подразумеваем инициирование политической нестабильности (ИПН), под которой следует понимать особый тип продолжительного направленного воздействия на государство в целом или отдельный его регион (регионы) для искусственного создания внутренней социально-политической нестабильности. Это дает инициаторам ИПН определенное политико-экономическое или геополитическое преимущество. Субъектами ситуации ИПН выступают физические лица или организации из внешнего окружения, принявшие участие в непосредственной разработке сценарной программы инициируемой нестабильности и организации её проведения, а также граждане заданных территорий, которые содействовали её осуществлению. Соответственно, объектом ИПН является центр власти, политический режим, осуществляющий легитимный (законный с точки зрения международного права) социально-политический и экономический контроль над территориями, лежащими в поле интересов внешнего окружения. Центр власти представляет интересы определенной социальной группы или групп населения, заинтересованных в социально-политической стабильности общества и государства [19, с. 81].

Формирование ситуации инициируемой политической нестабильности осуществляется в целях достижения военного, политического или экономического ослабления заданного государства и может протекать в двух формах. Первая из них – инициируемый управляемый кризис (ИУК). При осуществлении данной формы ИПН её инициаторы стремятся к достижению локальных, тактических целей, как, например, отделение какого-либо региона, принуждение легитимного режима к принятию определённых политических или экономических решений и пр. При этом режим, столкнувшийся с ситуацией управляемого внешне кризиса, несмотря на рост разрушительных проявлений в обществе, имеет возможность контролировать ситуацию и осуществлять упорядочивающее воздействие. В то же время при проведении ИУК можно говорить и о предполагаемой управляемости ситуации со стороны её инициаторов, способных остановить дестабилизацию при достижении поставленных ею целей или возникновение сомнений в её целесообразности. Пример ИУК: для получения контроля над наиболее значимыми в стратегическом плане регионами внешним окружением проводятся мероприятия по их отсоединению, организуются наци-

онально-освободительные движения с последующим их оформлением в суверенные государственные образования, подконтрольные инициаторам ИПН. Второй формой развития ИПН является иницируемая ситуация социального хаоса (ИССХ). Реализуемая инициатором ситуация нестабильности в подобной форме служит достижению глобальных целей и преследует цель тотального структурного разрушения общества, как, например, полная деструкция сложившейся и формирование новой политической системы. Примерами инициирования политической нестабильности второй формы в государстве, на которое осуществляется воздействие, могут выступать организованные извне восстания или гражданские войны. Особенность инициированного кризиса заключается в создании иллюзии естественности «исторических событий», их квазилогичном возникновении как исторической необходимости и результата «политического творчества народных масс».

Данная особенность проистекает из механизма организации и проведения процессов ИПН. В основе проведения любой иницируемой политической нестабильности лежит возможность манипулирования, скрытого управления субъектами (задействованными участниками) исторического события. Однако подобное управление возможно лишь тогда, когда подвергшиеся ему люди не имеют информации о проводимой над ними манипуляции. Таким образом, основным условием успешного проведения сценария ИПН является иллюзорная убежденность масс заданного региона (государства), что исключительно их воля выступает источником политических и государственных преобразований [19, с. 83]. Такая иллюзорная убежденность масс может быть построена, в том числе, и на основе акций, реализуемых манипулируемыми извне искусственно созданными толпами. Мировая политическая практика дает немало примеров подобного манипулирования сетевыми сообществами, принявшими вид толпы.

Толпа – это по своей сути сетевое, т.е. не имеющее ярко выраженной иерархической структуры, образование. Сетевая организация координирует деятельность своих элементов с использованием средств глобальных коммуникаций. Ее отличительной особенностью является наличие единой стратегической цели и отсутствие четкого планирования на тактическом уровне. В условиях сетевой войны, в соответствии с доктриной роя сеть проводит атаки одновременно по множеству направлений малыми подразделениями. При этом различными узлами (участниками) сети иницируется ряд эпизодических, пульсирующих атак в ряде мест, распределенных в пространстве и времени [5].

Термин «рой» характеризует новый феномен. Он связан с целенаправленно организуемым в определенное время и в определенном месте сосредоточением неорганизованных масс, кристаллизирующихся вокруг небольших, отлично подготовленных специальных команд и формирований [1, с. 245].

Побуждение к действию в толпе передается от одного индивида к другому с добавлениями и искажениями, легко возникающими в атмосфере общего возбуждения. Так называемый «разогрев» толпы достаточно прост, однако значительно более сложен механизм непосредственного управления толпой. Толпа может выйти из-под контроля и действовать по собственным представлениям о политической целесообразности, смысл которых нередко существенно отличается от политических целей не только её признанных вожаков, но и действительных организаторов [20, с. 31].

События последних десятилетий на постсоветском пространстве, а также в ряде других государств, когда оппозиционными политическим лидерам при непосредственной поддержке извне удаётся осуществить свержение правящего режима с помощью направляемых масс демонстрантов, следует расценивать не просто как процесс смены элит, получивший у отечественных исследователей и их коллег из стран ближнего зарубежья название «цветных революций» [7, с. 14; 12, с. 9], а как один из вариантов ИПН, выполненный в виде ИУК [19, с. 9]. Важным при этом является вскрытие тех факторов, которые приводят к успеху революций, осуществляемых

в основном несиловыми методами. При этом власть, применяющая силу против невооружённых демонстрантов, на самом деле демонстрирует свою слабость, одновременно с этим вызывая протесты со стороны ориентированной на это мировой общности.

Методологической основой такого использования масс может служить теория А. Грамши. Он исходит из положения Н. Макиавелли о том, что власть держится не только на силовом принуждении, но и на согласии общества подчиняться (легитимности). Самый эффективный способ воздействия на массы и народы А. Грамши видел во влиянии на мысли стандартного обывателя, а главным инструментом этого влияния служит повторение. Инструментом такого повторения и выступают массовые общественно-политические мероприятия, производимые на основе информации, носителями которой являются книги, брошюры, журнальные и газетные статьи, разговоры и споры, в своей гигантской совокупности образующие то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности [7, с. 25]. В современной социальной формации, в отличие от времени А. Грамши, инструментом такого повторения, своеобразной «сетевой войны», выступают средства интернет-коммуникации, sms и сотовой связи, которые позволяют непосредственным участникам протестных действий в кратчайшие сроки получать и передавать актуальную информацию и координировать свои действия. Для таких информированных толп в научный оборот был введён термин «смартмоб» (SmartMobs), или, в буквальном переводе, «умная толпа».

Впервые данный термин использован Г. Рейнгольдом и обозначал форму самоорганизующейся социальной организации посредством эффективного использования высоких технологий [13, с. 5]. Смартмоб в известной степени противопоставляет себя обычной толпе, ведя себя интеллектуально и рационально. Смартмобы стали возможны в первую очередь благодаря широкому распространению мобильной связи, sms и интернета. Стартовым этапом их массового использования можно считать 2001 г., когда толпа людей, организованная с помощью текстовых сообщений, собралась около церкви Edsa Shrine, чтобы выразить протест против коррупции режима президента Филиппин Джозефа Эстрады. Протест организовался быстро и неожиданно, и Эстрада вскоре покинул свой пост. В дальнейшем данная технология использовалась во Франции (2005), Чили (2006), Приднестровье и Греции (2008), Молдавии (2009), Киргизии, Белоруссии и России (2010). Во втором десятилетии XXI в. она становится поистине массовой.

Практика политической работы с «умной толпой» в ходе инициирования политической нестабильности предполагает две формы её организации: «оккупай...» и «городской терроризм» [16].

Технология «оккупай...» представляет собой ненасильственный захват территории города (как правило, столицы либо мегаполиса) с целью внесения нестабильности в деятельность государственных и политических структур. При этом наиболее яркой характеристикой такой толпы выступает её безоружность. Доминирующая её цель – провокация на агрессию властных институтов, что даёт моральное право оппозиции и поддерживающей её мировой общественности объявить их преступными. Технология «оккупай...» сформировалась в США и Канаде в качестве варианта мирного протеста на действия властей. Характерными чертами этой технологии выступает отсутствие ярко выраженного лидера и полная анонимность участников. Данная технология проявилась в процессе проведения акции гражданского протеста «Захвати Уолл-Стрит» (“Occupy Wall Street”) в Нью-Йорке в сентябре 2011 г., целью которой стал длительный захват улицы Уолл-стрит в финансовом центре Нью-Йорка для привлечения общественного внимания к «преступлениям финансовой элиты», а также в качестве призыва к структурным изменениям в экономике. В эпоху глобализации данная технология получает распространение в других странах и используется

внешним окружением – политическим истеблишментом определённых государств – для инициирования политической нестабильности на важных для него территориях.

В частности, акция «Оккупай Абай», организованная внесистемной оппозицией, инициированная в качестве протеста инаугурации В.В. Путина в 2012 г. в Москве у памятника Абаю Кунанбаеву. Координация протеста осуществлялась при помощи сервиса микроблоггинга Twitter, движущей силой протеста стала творческая интеллигенция и представители организаций субкультурной направленности. Элементы этой технологии прослеживаются и на доинформационном этапе развития социума. В частности, в июле 1917 г. большевиками инициированы антиправительственные выступления («июльский кризис»), направленные на дестабилизацию равновесия сил между Временным правительством и Петросоветом в целях устранения сложившейся после февральской революции системы «двоевластия».

Практика политического процесса в качестве наиболее эффективного средства противодействия таким массовым оппозиционным выступлениям демонстрирует эффективность аналогичных организаций, формируемых силами проправительственных структур. Возвращаясь к примеру России, следует вспомнить, что ведущей силой подавления революционных выступлений в период первой русской революции при общей неспособности к действиям вооружённых сил и правоохранительных органов (полиции, жандармерии) стали так называемые «черносотенные организации», появившиеся в столицах и других регионах Российской империи в качестве протеста верноподданной части населения на революционные события 1905–1907 гг.

Истинность этого тезиса подтверждена в конце 2011 – начале 2012 г., когда оппозиция инициировала в Москве выступления масс, недовольных выборами в Государственную думу VI созыва. В качестве противодействующих оппозиции сил выступило не менее массовое прокремлевское движение «Наши», созданное по инициативе Администрации президента в 2005 г. Участники данного движения не позволили реализовать организованной оппозицией по технологии «оккупай...» толпам ненасильственный захват территорий центра столицы с целью парализации активности государственных структур и провокации власти на применение силового противодействия. При аналогичной ситуации в 2011 г. на площади Тахрир в Египте продемонстрирована низкая эффективность использования армии против вооружённой толпы, когда в итоге колеблющиеся войска поддержали восставших. Понимание того, как можно нейтрализовать собранные оппозицией по технологии «оккупай...» толпы, к правительству Мубарака пришло с запозданием. Организованные в спешном порядке спецслужбами Египта отряды так называемой «балтагеи» (силового крыла президентской Национально-демократической партии), занимались тем же, что и правоохранительные структуры Египта, – силовыми методами пытались рассеять толпу, вместо того, чтобы занимать территориальное пространство столицы. В результате они оказались неспособными предотвратить падение правящего режима.

Другим сценарием действий умных толп является технология, которую условно можно обозначить как «городской терроризм». Термин «городской терроризм» введён в общественный оборот лидерами профсоюза сотрудников полиции в процессе беспорядков во Франции 2005 г. [21]. Позднее, в ходе событий в Лондоне 2011 г., в которых ярко отслеживалось использование социальных сетей с целью эскалации массовых выступлений, оппозицией в интернет-пространстве предложен синонимичный термин «шопинг-бунт» [15], являющийся в настоящий момент достаточно употребимым в исследовательской литературе (в частности, И.Ю. Сундиев и др.). Данная разновидность смартмоба имеет достаточно сложную структуру, близкую структуре традиционной действующей толпы: примерно 10 % составляют организаторы (лидеры), координирующие деятельность остальных участников в режиме реального времени, около 30 % – рекруты, т.е. нанятые за плату участники. Не менее половины рекрутов – боевики, задачей которых является провоцирование силовых конфликтов с представителями власти и правоохранительных органов. Остальные 60 % – любопытные члены интернет-сообществ,

в которых обсуждалась подготовка данной акции, и их знакомые. Именно любопытные при достижении в акции ключевой цели – провоцирования власти на силовое подавление – становятся базой для образования панической толпы, действия которой, как правило, сопровождаются жертвами [16]. В отличие от толпы, образованной по технологии «оккупай...», которая декларируется как ненасильственный протест против власти и концентрируется, как правило, на стратегически важных территориях столицы или мегаполиса, «городской терроризм» изначально предполагает применение толп агрессивного типа. В частности, в событиях 2011 г. в лондонском Тоттенхеме участниками акции активно использовались силовые методы противодействия полиции и уличные погромы. Премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон по итогам данных беспорядков отметил готовность рассматривать возможность применения армии с целью защиты граждан в случае возникновения аналогичной ситуации [15]. При этом «городской терроризм» может возникнуть из протестов, первоначально собираемых в качестве мирных. Силовое противодействие власти, приводящее к жертвам из толпы, провоцирует изменение пусть и мирной, но провокационной по сути технологии организации толп «оккупай...» на насильственную технологию «городского терроризма». Кроме этого, начало «городского терроризма» может также стать своеобразным протестом общественности на несправедливые или жестокие, по ее мнению, действия властей.

Особенностью поведения толп собранных по технологии «городского терроризма» выступают: силовое противостояние правоохранительным органам и массовые неуправляемые нарушения общественного порядка. Особую роль в интенсивности агрессии толпы имеет фактор анонимности каждого участника и подчинения личностного групповому, что приводит к участию в такого рода протестах лиц, не относящихся к криминальной субкультуре.

Протест, выраженный в форме «городского терроризма», в отличие от технологии «оккупай...», идет от окраин города к центру, соответственно движущей силой протеста выступают маргинальные слои городского социума. Сетевой характер распространения беспорядков приводит к распылению проправительственных сил и невозможности правоохранительных органов получить контроль над развитием ситуации в большинстве районов города. В частности, 1700 задержанных в Лондоне полицейских по мере распространения волнений 2011 г. на другие районы столицы оказались неспособными к их локализации и подавлению. По признанию лидера профсоюзной организации полицейских города Джона Талли, «сегодня в Лондоне просто не хватает полицейских, чтобы взять под контроль все потенциально опасные районы» [9].

Вместе с тем, сетевой характер беспорядков вовсе не означает отсутствие необходимой организации. Используя современные коммуникативные средства, позволяющие осуществлять выход в социальные сети, проводится координация и обмен опытом организации беспорядков в различных районах города. Во время беспорядков в столичном Хусбю 2013 г. привлечение участников происходило посредством распространения информации через социальные сети. В частности, получила широкое распространение в интернет-среде провокационная публикация в «Твиттере» футболиста Бояна Джорджича «Собаки спускают на женщин и детей», мобилизовавшая на участие в беспорядках новых участников. Также по социальным сетям осуществлялся вызов «помощников» из других иммигрантских районов Стокгольма – Ринкебю и Тенста [23]. По аналогичному сценарию и механизмам действий, итогом которых стали поджоги автомобилей и разграбление магазинов, осуществлялись массовые беспорядки в Ринкебю и в 2017 г. [3].

Таким образом, несмотря на ярко выраженные внешние различия в исторических событиях разных государств, мы имеем возможность говорить об идентичности элементов формирующейся политической технологии использования толп при иницировании политической нестабильности. Это позволяет, например, утверждать о некоей схожести событий, происшедших в Российской империи в 1905–1907 гг. и получивших название первой русской революции, с событиями, которые пережила Франция в ноябре 2005 и феврале 2017 г. (табл.).

**Сравнительный анализ массовых беспорядков в России
 в 1905–1907 гг. и Франции в 2005 и 2017 гг.**

Параметры событий	Первая русская революция 1905–1907 гг.	Беспорядки во Франции	
		ноябрь 2005 г.	февраль 2017 г.
<i>Технология образования толпы</i>	Сетевой принцип. Через рабочие кружки, созданные для усиления в среде пролетариата монархических воззрений	Смартмоб-технология	Смартмоб-технология
<i>Вид толпы</i>	Первоначально мирной (не провокационной) к толпе типа «городской терроризм»	Изначально в форме «городского терроризма»	Изначально в форме «городского терроризма»
<i>Социальный состав толпы</i>	Рабочие окраин Петербурга (пролетариат), присоединившиеся к ним студенты, либерально настроенная интеллигенция и мещане	Мусульманская молодёжь окраин Парижа и других промышленных центров Франции	Эмигрантская молодёжь окраин Парижа
<i>Жертва-повод</i>	Расстрел толпы армией. Несколько десятков погибших в результате расстрела мирной демонстрации	Смерть двоих подростков (тунисского и мавританского происхождения) в трансформаторной будке, где они прятались от полиции	Избиение и изнасилование полицейскими иммигранта из Африки
<i>Внешнее окружение события</i>	Оказывалась идеологическая зарубежная поддержка беспорядков, подтверждающих тезис о «нецивилизованности монархической России». Финансирование некоторых наиболее радикальных революционных партий и попытка отправить оружие Японией	Зарубежная поддержка со стороны радикальных мусульманских организаций	Ярко выраженная зарубежная поддержка отсутствует
<i>Институты подавления беспорядков</i>	Массовые монархические организации	Полиция, жандармерия	Полиция, жандармерия
<i>Механизм противостояния властям</i>	Открытые уличные бои со строительством баррикад, террористические акты, забастовки, стачки, поджоги дворянских усадеб	Поджоги машин, погромы магазинов, нападения на полицейских и полицейские участки, школы	Столкновения с полицией, поджоги транспорта и останков
<i>Наличие эффекта «революционного наложения»¹</i>	Присутствует деятельность подпольных революционных организаций, направленная на изменение монархического строя	Политически оформленная оппозиция и радикальные исламские организации не сделали попыток эскалации конфликта	Не отмечено
<i>Распространение беспорядков в стране</i>	Сетевой характер распространения беспорядков различной интенсивности по стране в течение 1905–1907 гг.	Сетевой характер распространения беспорядков различной интенсивности по стране в течение 2005–2007 гг.	Сетевой характер распространения беспорядков посредством мобильной связи и социальных сетей в пределах столицы

¹ Под термином «революционное наложение» понимается деятельность, как правило, немногочисленных подпольных экстремистских и террористических организаций, направленная на попытку включиться в событие для управления инициированными (стихийными) массовыми беспорядками в целях поддержания градуса возмущения общественности по отношению к власти, в идеале для доведения ее до состояния полного неприятия действующего режима и направления действий возмущенных толп на необходимые лидерам этих организаций объекты.

Это бунт окраин столицы после жертв, в которых была обвинена власть, сетевое распространение беспорядков в других крупных провинциальных городах, спонтанные агрессивные выступления против властей при наличии определённого организующего начала и сама форма массовых выступлений – уличные беспорядки, погромы, нападения на полицейские участки и пр. Следует напомнить, что массовые беспорядки в Санкт-Петербурге в феврале 1917 г. превратили Россию из монархии в республику. При желании и определенном подходе к инициированным беспорядкам во Франции, эта страна могла также превратиться из лидера Западной цивилизации в первый европейский халифат.

Технология смартбоа вошла в алгоритм организации и проведения инициирования политической нестабильности в форме так называемых «цветных революций» на постсоветском пространстве. Например, Ю. Тимошенко в своем выступлении на Майдане дала достаточно ясные инструкции для мобилизации сторонников по каналам социальных сетей: «Каждый из вас приводит не менее десяти человек. И наше огромное сообщество к вечеру, к 16 часам, когда мы потребуем собрания Верховной Рады, должно составлять не десятки тысяч, а миллионы людей!» [25, с. 21].

Смартмоб отвечает характеристике рациональности массового поведения А. Грамши: «В случае с вождями и исполнителями происходит так, что вожди и руководящие группы ловко, искусно пробуждают страсти толпы и ведут её на борьбу и на войну, но в данном случае не страсть является причиной и сутью политики, а поведение вождей, которые остаются холодными рационалистами» [4, с. 263].

Важно отметить, что смартмоб – это одна из немногочисленных уличных акций, которая пока не имеет точного юридического определения, поэтому привлечь кого-либо из участников к ответственности достаточно сложно. В частности, в протестных акциях, инициированных политической оппозицией в апреле 2012 г. в Астрахани, вызванных несогласием с результатами проведённых выборов мэра города, отмечено появление такой формы организации массового протеста, как «народные гуляния». Характерной чертой этой формы политического участия, являющейся вариантом технологии «оккупай...», стало отсутствие каких-либо политических транспарантов и озвучиваемых лозунгов. В то же время специально подготовленные лидеры этой толпы и рекруты-боевики, прибывшие в поддержку астраханской оппозиции из других регионов России, осуществляли консолидацию толпы путём выкрикивания «речёвки»: «Мы здесь гуляем!», демонстративно подчёркивающей возможность их сбора и нахождения на данной территории, обусловленную Конституцией РФ, и незаконность их задержания в связи с проведением несанкционированного массового общественно-политического мероприятия. В то же время настрой толпы являлся агрессивным по отношению к власти и предполагал, что при силовом вмешательстве правоохранительных органов будут отстаиваться конституционные права, в том числе и нелегальными (незаконными) средствами. Прошедшая «обкатку» в Астрахани технология активно использовалась в мае 2012 г. в Москве при проведении массовых акций в знак протеста против разгона «Марша миллионов».

Достаточно важно отметить, что смартмоб, как особая форма политической активности, может быть не просто реакцией социума на проводимую внутреннюю или внешнюю политику, а реакцией, инициируемой извне. Наибольшая вероятность этого риска возникает в условиях сильного многостороннего внешнеполитического влияния.

Список литературы

1. Аркилла Джон. Создавая и используя сети / Джон Аркилла // Мирвойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов / сост.: Е. С. Ларин, В. С. Овчинский. – Москва : Книжный мир, 2015. – 416 с. – (Коллекция Изборского клуба).
2. Белокопытов Ю. Н. Бессознательные параметры самоорганизации толпы / Ю. Н. Белокопытов // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 4 (47).

3. В микрорайоне Стокгольма вспыхнули беспорядки с поджогом машин. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/crime/36151700-v-mikrorayone-stokgolma-vspyhnuti-besporядki-s-podzhogom-mashin/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 12.02.2017).
4. Грамши А. Тюремные тетради : в 3 ч. / под общ. ред. М. Н. Грецкого и Л. А. Никитич ; пер. с ит. Г. П. Смирнова, В. А. Дмитренко, П. А. Козлова, Е. Г. Молочковской, А. К. Орла, Л. Б. Попова, Ю. А. Суворова. – Москва : Политиздат, 1991. – Ч. 1. – 560 с.
5. Гриняев С. По принципу «пчелиного роя», или какими видятся «сетевые войны» / С. Гриняев // Красная звезда. – 2003. – № 8 (23794).
6. Демидов Ю. Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты / Ю. Н. Демидов. – Москва, 1994.
7. Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Алгоритм, 2005. – 293 с.
8. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – Москва : АСТ, 2016. – 320 с.
9. Лондону не хватает полицейских на все погромы. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/496751>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 12.02.2017).
10. Назаретян А. П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии / А. П. Назаретян. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 192 с.
11. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии / Д. В. Ольшанский. – Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 496 с.
12. Почепцов Г. Г. Революция.com. Основы протестной инженерии / Г. Г. Почепцов. – Москва : Европа, 2005. – 532 с.
13. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – Москва : ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.
14. Руденко В. Н. Толпа и власть / В. Н. Руденко // Дискурс-Пи. – 2002. – № 2. – С. 156–157.
15. Сошин Д. Потребительские погромы в Лондоне – новое явление в современном мире / Д. Сошин. – Режим доступа: <http://www.ltv.ru/news/world/182508>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 13.08.2011).
16. Сундиев И. Ю. Социальные технологии в массовых беспорядках как средство локализация «управляемого хаоса» / И. Ю. Сундиев ; Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – Режим доступа: <http://sartraccs.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 01.02.2017).
17. Трофимова Н. С. Социально-психологические особенности деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции в условиях массовых мероприятий / Н. С. Трофимова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2015. – № 3 (62). – С. 42.
18. Фадеев Е. В. Толпа и масса: сравнительный анализ психологических характеристик (свойств и качеств) / Е. В. Фадеев // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2 (39).
19. Факторы и акторы дестабилизации: опыт прошлого и современность / А. И. Байгушкин, Н. В. Загладин ; отв. ред. В. И. Катагарова. – Москва : ИМЭМО РАН, 2011. – 121 с.
20. Фельдман Д. Н. Мировая политика во власти толпы? / Д. Н. Фельдман // Власть. – 2014. – № 8.
21. Францию охватил «городской терроризм» / Информационное агентство REGNUM. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/539494.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 05.11.2005).
22. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд. – Москва : Азбука-Аттикус, 2013. – 192 с.
23. Шведская спичка Хусбю. – Режим доступа: <http://www.segodnia.ru/content/122728>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 12.02.2017).
24. Юнг К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – Москва : Канон + РООИ «Реабилитация», 2012. – 320 с.
25. Ясносокирский Ю. А. «Ответственность по защите» и цветные революции / Ю. А. Ясносокирский // Вопросы российского и международного права. – 2014. – № 10.

References

1. Arkilla Dzhon. Sozdavaya i ispolzuya seti [Creating and using networks]. *Larin Ye. S., Ovchinskiy V. S. Mirovovyna. Vse protiv vsekh. Noveyshiye kontseptsii boyevykh deystviy anglosaksov* [Mirovovoina. All against all. The newest concepts of military operations of the Anglo-Saxons]. Moscow, Knizhnyy mir Publ., 2015, 416 p.

2. Belokopytov Yu. N. Bessoznatelnyye parametry samoorganizatsii tolpy [Unconscious Parameters of Self-Organization of the Crowd]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education], 2014, no. 4 (47).
3. *V mikrorayone Stokgolma vspykhnuti besporyadki s podzhogom mashin* [In the microdistrict of Stockholm, riots broke out with the arson of cars]. Available at: <https://news.rambler.ru/crime/36151700-v-mikrorayone-stokgolma-vspykhnuti-besporyadki-s-podzhogom-mashin/> (Accessed: 12.02.2017).
4. Gramshi A. *Tyuremnyye tetradi: in 3 part* [Prison notebooks: at 3 pm / under the total]. Ed. by M. N. Gretskey, L. A. Nikitich. Moscow, Politizdat Publ., 1991, part 1, 560 s.
5. Grinyayev S. Po printsipu "pchelinogo roya", ili kakimi vidyatsya "setevyye voyny" [According to the principle of "bee swarm," or what are the "network wars"]. *Krasnaya zvezda* [The Red Star], 2003, no. 8 (23794).
6. Demidov Yu. N. *Massovyye besporyadki: ugovovno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekty* [Mass riots: criminal law and criminological aspects]. Moscow, 1994.
7. Kara-Murza S. G. *Eksport revolyutsii. Yushchenko, Saakashvili...* [Export of the revolution. Yushchenko, Saakashvili...]. Moscow, Algoritm Publ., 2005, 293 p.
8. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of the peoples and the masses]. Moscow, AST, 2016, 320 p.
9. *Londonu ne khvatayet politseyskikh na vse pogrom* [London does not have enough policemen for all pogroms]. Available at: <http://izvestia.ru/news/496751> (Accessed: 12.02.2017).
10. Nazaretyan A. P. *Agressivnaya tolpa, massovaya panika, slukhi. Lektsii po sotsialnoy i politicheskoy psikhologii* [Aggressive crowd, mass panic, rumors. Lectures on social and political psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2004, 192 p.
11. Olshanskiy D. V. *Osnovy politicheskoy psikhologii* [Fundamentals of Political Psychology]. Yekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2001, 496 p.
12. Pocheptsov G. G. *Revolutsiya.com. Osnovy protestnoy inzhenerii* [The revolution.com. Fundamentals of protest engineering]. Moscow, Yevropa Publ., 2005, 532 p.
13. Reyngold G. *Umnaya tolpa: novaya sotsialnaya revolyutsiya* [Clever crowd: a new social revolution]. Moscow, FAIR PRESS Publ., 2006. – 416 s.
14. Rudenko V. N. Tolpa i vlast [The crowd and power]. *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 2002, no. 2, pp. 156–157.
15. Soshin D. *Potrebitelskiye pogromy v Londone – novoye yavleniye v sovremennom mire* [Consumer pogroms in London - a new phenomenon in the modern world]. Available: <http://www.1tv.ru/news/world/182508> (Accessed: 13.08.2011).
16. Sundiyev I. Yu. *Sotsialnyye tekhnologii v massovykh besporyadkakh kak sredstvo lokalizatsiya "upravlyayemogo khaosa"* [Social technologies in mass riots as a means of localization of "controlled chaos"]. Available at: <http://sartracc.ru/> (Accessed: 01.02.2017).
17. Trofimova N. S. *Sotsialno-psikhologicheskkiye osobennosti deyatel'nosti sotrudnikov patrolno-postovoy sluzhby politsii v usloviyakh massovykh meropriyatiy* [Socio-psychological features of the activity of patrol policemen in the context of mass events]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psycho-pedagogy in law enforcement agencies], 2015, no. 3 (62), p. 42.
18. Fadeyev Ye. V. Tolpa i massa: sravnitel'nyy analiz psikhologicheskikh kharakteristik (svoystv i kachestv) [The crowd and mass: a comparative analysis of psychological characteristics (properties and qualities)]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2013, no. 2 (39).
19. Baygushkin A. I., Zagladin N. V. *Faktory i aktory destabilizatsii: opyt proshlogo i sovremennost* [Factors and actors of destabilization: the experience of the past and the present]. Ed. by V. I. Katagarova. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2011, 121 p.
20. Feldman D. N. Mirovaya politika vo vlasti tolpy? [World politics in the power of the crowd?]. *Vlast* [Power], 2014, no. 8.
21. *Frantsiyu okhvatil "gorodskoy terrorizm"* [France embraced "urban terrorism"]. Available at: <http://www.regnum.ru/news/539494.html> (Accessed: 05.11.2005).
22. Freyd Z. *Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo "Ya"* [Psychology of the masses and analysis of the human "I"]. Moscow, Azbuka-Attikus Publ., 2013, 192 p.
23. *Shvedskaya spichka Khusbyu* [Swedish match with Husby]. Available at: <http://www.segoday.ru/content/122728> (Accessed: 12.02.2017).
24. Yung K. G. *Psikhologiya bessoznatelnogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow, Kannon + ROOI "Reabilitatsiya" Publ., 2012, 320 p.

25. Yasnokirskiy Yu. A. "Otvettvennost po zashchite" i tsvetnyye revolyutsii ["Responsibility for protection" and color revolutions]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Questions of Russian and international law], 2014, no. 10.

УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Шлюндт Надежда Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
Российская Федерация, 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
E-mail: nshlundt@yandex.ru

Вопросы эффективности экономических санкций занимают одно из приоритетных мест в исследованиях, посвященных внешнеполитическому инструментарию. Среди авторов таких исследований до сих пор нет единого мнения относительно эффективности санкций. Спектр их мнений очень широк – от крайне пессимистичных до крайне оптимистичных. При этом особый интерес вызывают факторы или условия политической эффективности санкций, активно применяемых современными государствами и международными организациями. В настоящей статье, продолжая традицию, рассматриваются отдельные условия, повышающие эффективность санкций. Во-первых, эффективность, по нашему мнению, возрастает, если санкции затрагивают материальные интересы влиятельных групп целевого государства, к которым относятся как крупные бизнесмены, так собственно избранные политики и высшие правительственные чиновники. Во-вторых, эффективность санкций будет выше, если они способны привести к масштабным политическим издержкам, т.е. к утрате лидерами политической поддержки и к сокращению их власти. В-третьих, эффективность санкций возрастает, если они применяются против персоналистских режимов, которые, в отличие от военных и однопартийных режимов, опираются на личную клику, служащей для них своеобразной социальной базой. В итоге автор формулирует понятие максимальной эффективности санкций, которая достигается при соблюдении всех вышеуказанных условий.

Ключевые слова: экономические санкции, факторы эффективности, международно-политическое влияние, международная среда, международная система, мировая политика, политическая эффективность, влиятельные социальные группы, политические издержки, авторитарные режимы

EFFICIENCY CONDITIONS OF ECONOMIC SANCTIONS IN CONTEXT OF CONTEMPORARY WORLD POLITICS

Shlyundt Nadezhda Y., Ph.D. (Law), Assistant Professor
North-Caucasus Federal University
1 Pushkina Str., Stavropol, 355009, Russian Federation
E-mail: nshlundt@yandex.ru

Issues of the effectiveness of economic sanctions are one of the priority areas in the studies devoted to foreign policy instruments. Among the authors of such studies, there is still no consensus on the effectiveness of sanctions. The range of their opinions is very broad – from extremely pessimistic to extremely optimistic. Meanwhile particular interest is caused by factors or conditions of political effectiveness of sanctions actively used by modern states and international organizations. In this article continuing these traditions individual conditions are considered that increase the effectiveness of sanctions. First, effectiveness, according to the author, increases if sanctions affect the material interests of influential groups of the target state, which include big businessmen, the politicians and the elected government officials. Secondly, the effectiveness of sanctions will be higher if they can lead to large-scale political costs, that is, the loss of political support by leaders and the reduction of their power. Thirdly, the effectiveness of sanctions increases if they are used against personalistic regimes that, unlike military and one-party regimes, rely on a personal clique that serves as a kind of social base for them. As a result, the author formulates the concept of maximum effectiveness of sanctions, which is achieved when all the above conditions are met.